

АЛЕКСАНДРА МИХНЕВИЧ

**КЛИН
ПРОЛЕТАЮЩИХ ПТИЦ**

Александра Михневич Клин пролетающих птиц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43113563

ISBN 9785005005748

Аннотация

Литературное произведение, написанное петербургской писательницей Александрой Михневич. Сюжеты для произведений писательница берет из жизни.

Содержание

Клин пролетающих птиц. Рассказы	5
Гуси-лебеди	5
Когда-то	17
На уикенд в тайгу	25
Ночная группа	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Клин пролетающих птиц

Александра Михневич

© Александра Михневич, 2019

ISBN 978-5-0050-0574-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клин пролетающих птиц. Рассказы

Гуси-лебеди

Когда внучка научилась уверенно передвигаться на своих двоих, они с бабой часто куда-нибудь отправлялись.

На перроне она нарочно отставала от бабы, нагруженной сумками и чемоданами.

И каждая проводница, стоя у своего вагона, кивала в спину бабе и говорила: девочка, догоняй скорее маму, а то отстанешь и потеряешься.

Почему маму, – сердилась она, – это её баба, они что, не понимают, что ли.

И отставала ещё больше.

А однажды отстала совсем.

Пристроилась к незнакомой тётеньке, покрутилась рядом и по-свойски вошла с ней в вагон – шагнула в тамбур, вровень с перроном, а там пошла бродить по своим делам.

Баба обнаружила её в другом вагоне, когда отъехали уже далеко от города.

Мелькал лес, и ей самой наскучила эта игра, и она ждала, чтобы баба скорей её нашла.

Взмыленная проводница перевела дух, ещё более взмыленная баба напилась капель. Были водружены в купе сумки и чемоданы, стоявшие в тамбуре, потому что всё это время баба не была уверена, что не придётся выбрасывать их с поезда и прыгать самой.

– Ну, ведь я же нашлась, – сказала внучка.

– А если бы ты сейчас одна осталась в Самаре, на вокзале, – взывала к её сознательности баба.

– Ну, ведь я же поехала, а не осталась, – ответила внучка.

– А если бы я осталась тебя искать, а ты бы одна в Москву уехала! – пыталась баба объяснить всю сложность ситуации.

– Ну, ведь я же всё равно нашлась, – ответствовала внучка.

Когда они отправились в плавание по Волге – желая порадовать ребёнка, баба взяла им на двоих лучшую двухместную каюту – баба искала внучку по всем палубам.

Пока по пароходному радио не объявили, что двухлетняя девочка прокралась в машинное отделение. И бабе пришлось объясняться, что ребёнок случайно заблудился.

На следующий день капитан лично попросил подняться в рубку «бабушку такую-то – здесь её ждет внучка».

Баба тут же примчалась с извинениями. Но капитан только добродушно поинтересовался, не эта ли девочка вчера помогала внизу механикам.

Вскоре внучкино внимание привлекли древние заросшие Жигули.

Ну, и что, что невысокие, и к ним нельзя подойти и потрогать – горы стоят на берегу широченной Волги, а они проплывают мимо. Зато настоящие горы, она их никогда ещё не видела, и местами похожи на халву.

Правда, интерес её был небескорыстен.

Засунув обутые в сандалии ноги в металлическую сетку пароходного борта, чтобы стать повыше, внучка вцепилась в поручень и, раскрыв рот, внимала бабе.

А баба её придерживала и рассказывала, что Стенька Разин со своими разбойниками когда-то прятал здесь клады – вон, видишь, может быть, и в тех пещерах.

– Ух ты, разбойники! – восхитилась внучка. – И клады! А давай пойдём заберём!

– Ну, да, – засмеялась баба, – прямо там сокровища всё это время только и ждут, когда старая да малая придут за ними.

Ночью все собрались на одной палубе.

Теплоход долго и скучно выстаивал в одних шлюзах, в других, зашёл в Жигулёвское водохранилище.

Вдали на берегу красиво светились в синей темноте яркие огни Тольятти.

Внучка тоже была тут с бабой, среди взрослых. Дразнила бабу и отбегала подальше: маленьких детей здесь больше нет, а вот ей баба всё разрешает, всё, что ей хочется. А баба не выпускала её из виду и старалась стать поближе.

Баба никогда не ругала её. Порой только что-нибудь объясняла.

Что не нужно наступать на крышки люков и ходить под балконами, потому что есть тротуар. Бережёного Бог бережёт, и на Бога надейся, а сам не плошай. А не плошай – то есть, не будь плохим. Тогда и Бог поможет, и люди потянутся...

Что нехорошо одаривать «на, тебе, Боже, что самим не гоже». И что девочке красивее ступать «ёлочкой», а не косолапым мишкой.

Но особо наставлениями не досаждала.

Детский сад был возле дома, на другом краю двора.

Баба договорилась с заведующей, и летом внучка в саду почти не появлялась.

Да и в другое время баба частенько забирала внучку на несколько дней, если у них намечались важные дела: очередная поездка, например. И просто заранее предупреждала воспитательницу.

Чаще всего баба с внучкой ездили куда-нибудь просто так, из интереса.

Только в Камышин по делу, на свадьбу к родственникам. Присматривать за внучкой поручили тоже чьему-то внуку, рассудительному мальчику постарше неё.

На свадьбе в районной столовой, большой и светлой, всё было чинно и чисто. Только дед единственный выпил много водки, но относившийся к бабе с большим уважением отец невесты и ещё один родственник помоложе, оба пропустившие лишь по паре рюмочек, применили все свои дипломатические способности и сумели уговорить деда, чтобы тот отправился спать.

Внучка попозже прокралась в тесную комнатку, заставленную мебелью.

На высокой железной кровати, застланной чистым бельём в мелкий голубой цветочек, спал дед. Он что-то проговорил, внучка не поняла, что это во сне, подошла поближе.

Дед лежал на спине, глаза его были приоткрыты. Испугавшись, сама не поняла чего, внучка побежала к бабе. Примчавшаяся баба, а вслед за ней и свояченица, сразу успокоились, увидев, что дед просто спит. А глаза приоткрыты, потому что выпил много. И велели внучке ему не мешать.

Потом они втроём – баба, дед и внучка – ездили в Саратов, на экскурсию.

В пути дед с бабой поссорились, потому что внучка ка-нючила всю дорогу туда и вывела из себя обоих. Они даже не стали фотографироваться на площади, где собрались экс-курсанты. Внучке тоже было не до фотографа: слишком тепло одета, слепило солнце, хотелось пить.

Зато в Волгограде они втроём не поссорились ни разу.

Было солнечно, но не душно, внучку сильно впечатли-ла огромная «Родина-Мать». Дед молчаливо и задумчиво осмотрел монумент, перекинулся парой задушевных слов с незнакомыми фронтовиками в орденах и пошёл немного побродить один, пока баба присела отдохнуть с уставшей внучкой.

И потом все втроём с удовольствием сфотографирова-лись.

В середине лета приехали папа с мачехой.

Баба уступила спальню – две сдвинутые вместе полуто-ра-спальные кровати – зятю с новой женой. А сама с внучкой устроилась в проходном зале на диване.

Внучка отвыкла от отца и теперь стеснялась.

Встав по привычке рано, не знала, куда себя деть.

Во-первых, квартира стала сразу меньше – минус спальня.

Во-вторых, баба ей ни шуметь не давала, ни гулять не отпускала – как же, дорогие гости захотят увидеть её, а она во дворе коленки расшибает.

Вскоре мачеха выплыла из спальни, мелодично позвала её и усадила в середину.

Сама сидела рядом на кровати, модная, с чёрными волосами, обрамлявшими круглое лицо, в коротком стёганом розовом халатике, спрашивала, рассказывала что-то интересное. И мастерила из щедро выданного бабой разноцветного мулине, на выбор – почему-то чёрно-жёлтую куколку-человечка. На полу стояли тапочки без задников с узкими носами, из расшитого бисером малинового бархата.

– Ух, ты, – сказала внучка, – и я хочу такой халат! И тапки...

– Халат можешь примерить потом, – насмешливо сказала мачеха, – когда я переоденусь.

Папа тоже сидел здесь, молча читал местную газету – главную прессу маленького заводского городка.

Мачеха беседовала с внучкой, как со взрослой. Внучка была счастлива.

Они все вместе отправились в Суздаль – мачеха, папа, баба и внучка.

В Суздале внучке больше всего понравились львы на тя-

жѐлых воротах, с кольцами в пасти. Она попросила, чтобы её подержали, пока открутит кольцо на память, но над ней только посмеялись.

Взрослые со знанием дела осматривали достопримечательности, и она тоже интересовалась. Красиво так!

Но вскоре устала, заленилась, начала ныть и канючить.

Баба, конечно, подхватила её и усадила себе на шею.

Папе, конечно, не очень понравилось, что здоровый и крепкий трёхлетний ребёнок всё время ездит у тѐщи на шее.

– Действительно, она может прекрасно ходить сама, – поддакнула мачеха.

– Да ну что вы, она же маленькая, устала, – поддержала баба внучку.

Внучка, и правда, поскорее приняла измученный вид.

– Ну, хорошо, хорошо, – добродушно сказал папа и одним махом снял её с бабиной шеи и посадил на свою. – Только смотри там не описайся, – строго добавил он.

В общем, езда на папиной шее не вызвала у неё восторга. Сразу возникла дилемма: за что держаться? За шею или за волосы?

Волосы, конечно, у папы хорошие – каштановые, блестящие, чуть выющиеся – не до плеч, но почти. Она украдкой

потрогала прядку: мягкие.

Но вряд ли папе понравится, если она вцепится ему в волосы, – рассудила она. Так что же тогда, в шею вцепиться?

Странно, на бабиной шее таких вопросов не возникало.

Папа, конечно, сам крепко держал её за ноги.

Но ехать так всю дорогу, не пинаться, не ёрзать, не подпрыгивать – это выше её сил. И она заявила, что вполне отдохнула, теперь будет ходить сама.

Папа поставил её на землю, и они пошли дальше.

А метров через сто она снова заканючила и стала проситься к бабе на шею.

Баба, уже сама притомившаяся, с бисерными капельками пота на лбу, конечно, тут же её подхватила.

Папа опять пересадил дочь к себе на плечи, она посидела-посидела, да и попросилась вниз. А потом – к бабе.

Остаток пути отец взглядывал с неодобрением на своего отпрыска, едущего на шее бабы – уставшей, но не подающей вида. Но решил не портить теще настроение.

Когда внучке шёл пятый год, отец с мачехой увезли её во Владимир.

Она путешествовала почти с рождения.

Первый раз летела в полтора месяца: бабушка забрала её из Ленинграда.

И потом баба постоянно её куда-нибудь возила, так что она привыкла к поездам и самолётам.

Но этот раз не был обычным.

Она ехала не просто в новый город. А в новый дом и в новую жизнь.

А как же капризы по нужному поводу?

И – желание по вечерам обязательной сказки. А по утрам – такого варенья, какое хочется именно сегодня. Потому что иначе она не станет есть кашу.

А кто сделает ей «гуси-лебеди»?

Потому что так ей делали только дед с бабой. Да и то обязательно вместе.

Когда на асфальте после дождя оставались большие лужи, дед с бабой крепко брали внучку за руки.

Поднимали высоко, быстро пронесли над лужей и приговаривали: «полетели-полетели»! Сколько луж – столько и «гусей-лебедей».

Правда, порой она канючила и без дождя.

Но тут уж дед с бабой поднимали её всего два-три.

И говорили: вот соберётся дождь – будут тебе и гуси, и лебеди.

Однажды, пролетев над лужей и приземлившись, она спросила, держась за ладони бабы и деда:

– А я сама смогу полететь?

– Сможешь. Только сначала вырасти, – ответил дед, загадочно улыбнувшись.

Она задумалась.

– А другие люди летают? – спросила она.

– Все летают. Многие улетают, когда взрослеют, – объяснил дед. – Другие, когда старые становятся, тоже улетают, только уже, понятно, в другие места.

– А в какие – другие? – наострила она уши: такого она ещё не слышала.

– Рано тебе об этом думать, – дед поймал укоризненный бабин взгляд и закончил разговор.

...Ночью она отчего-то проснулась.

Тихо полежала на нижней полке, но не могла уснуть. Они ехали втроем, четвертое место пустовало.

Она хотела выйти в коридор. Но купе заперто, она не сумела бесшумно его открыть. Тогда кое-как отстегнула серую дерматиновую шторку. Шторка устремилась вверх, на середине окна застряла, но вскоре с шорохом опять поползла кверху.

Ритмично стучали колёса, поезд покачивался в такт, взрослые спали.

Она отодвинула подушку, встала коленями на диван и с неясным волнением приникла к окну, держась за лакированную раму и привинченный стол.

Снаружи гудели провода, мелькал чёрный лес. Проносились огни – бежали навстречу поезду, а, поравнявшись, внезапно освещали окно и всё купе, и тут же убегали в хвост.

Скорый поезд Самара-Москва на всех парах мчался вперёд. В ночь и неизвестность. Оставляя позади что-то абсолютно беззаботное, совершенно счастливое, надёжно защищённое.

Детство.

То, что не повторяется...

Но – повторится. Обязательно.

Просто в другое время и в другом месте.

Когда-то

Посмотрев «Спокойной ночи, малыши!», внучка укладывалась спать.

Но – только после обязательной бабиной сказки.

Баба уже перебрала все известные народные и литературные сказки, и просто занимательные истории. Теперь приходилось сочинять самой.

Наибольшим успехом у внучки пользовался один и тот же сюжет, в разных вариациях. Жила-была одна маленькая девочка, в общем-то, хорошая – так, только, иногда непослушная (здесь внучка несколько напрягалась).

Но потом она исправилась – и все стали любить её ещё больше (тут она успокаивалась, довольная). Что она делала, что видела, куда ходила, с кем дружила...

До конца она обычно не успевала дослушать, потому что засыпала.

Порой баба, накануне поспавшая совсем мало, приходила домой с работы уставшая, но внучка требовала сказку.

Баба рассказывала, клюя носом, речь становилась всё бесвязнее.

Внучка вскакивала, заглядывала ей в лицо и говорила торжественно:

– Ага, ты спишь!

Баба встряхивала головой, пытаясь прогнать липучий и такой сладкий сон. Оправдывалась, что нет, не спит – рассказывает! – и продолжала сочинять. Голова опять клонилась, глаза слипались... Но неугомонный маленький тиран не давал покоя:

– Ага, ты всё-таки спишь!

В девять вечера дед усаживался в кресло у спальни и смотрел программу «Время».

Дверь в спальню плотно закрывалась, звук делался очень тихим, чтобы не мешал внучке спать. Но иногда внучка вдруг слышала сквозь сон:

– Гнида! – ругался дед на какое-то высокое лицо. – Встретил бы я тебя, да ты же, гад, по улицам не ходишь! Приклеил зад к тёплому креслу и врешь! Мразь! – ярился дед.

С кухни или из ванной прибежала баба, шикала на деда – ты что, ребёнок же спишь! Дед сразу умолкал. Бросал тревожный взгляд на дверь в спальню, с силой тянул круглую ручку на себя, чтобы закрыть ещё плотнее. Взглянув на экран, снова сверкал глазами и свистящим шёпотом изрыгал ругательства.

Фильмы дед не очень любил. Если и начинал смотреть,

часто выключал на середине, вполголоса отпустив едкое замечание.

Зато футбол неизменно притягивал его к экрану.

Когда комментатор всё громче и выше скороговорил «... опасный голевой момент!», дед подавался вперёд, вцепившись в подлокотники. Голубоватое свечение чёрно-белого экрана освещало лицо. «Да что ты тянешь!» – отрывисто заклинал дед игроков, и больше никого сейчас в целом мире не существовало.

Через миг взмахивал руками, откидывался на спинку кресла и произносил, в зависимости от ситуации: радостное и уважительное «молодцы», если наши забили гол.

Или просто «мазила»; но тут он ругался беззлобно.

Баба тоже включала телевизор не часто.

Но старалась не пропустить «Тени исчезают в полдень», украдкой утирала слезу.

Иногда в кресло к бабе или к деду подсаживалась внучка.

И спрашивала:

– А почему с дедом я помещаюсь свободно, а с бабой тесновато?

Дед отвечал, посмеиваясь и глядя на бабу с нежной ехидцей:

– Женщины покруглее и помягче, потому что у них жирок

на теле копится, а у мужчин всё в нервы уходит.

– Жирок – это который в супе, что ли, плавает, но как он может копиться на теле, – удивлялась внучка, – и что такое нервы?

Дед только усмехался.

Высокий и худощавый, пропорционально сложенный, прямая спина, прямой нос и выступающий кадык. Одевался по моде, любил чёрные плащи и шляпы, всегда в хорошо отутюженных брюках и рубашке. Пепельная чёлка, позже седая, свободно спадала на лоб. Он был похож на актёра Василия Ланового в роли генерала Вольфа из кинохита «Семнадцать мгновений весны». Горящие глаза, словно воспалённые, такая же артикуляция, да и внешне похож.

Изредка, в благодушном настроении, дед играл на трофейной губной гармошке. Внучка решила, что это проще простого. Тоже хотела подудеть, но ей удавалось извлечь лишь однообразное сипение. Дед предлагал научить, но у неё так и не хватило терпения.

Зато она полюбила смотреть балет.

Баба свозила её в Самару на «Щелкунчика», с заходом в гости к своей младшей сестре. Из Академического театра оперы и балета внучка вышла зачарованная. И с тех пор баба стала ей дома включать балет.

Пока она возилась по хозяйству, внучка в комнате дрыгала ногами и крутила руками, воображая себя завзятой танцовщицей.

– Вот и училась бы ходить как в балете, «ёлочкой», – как-то сказала баба.

Внучка попробовала, но ей быстро наскучило напрягаться.

Да и какая разница, как ноги становятся, рассуждала она, лучше по сторонам смотреть. Вокруг столько интересного!

В Новый год баба обязательно устраивала в квартире ёлку.

Пышное необъятное дерево занимало в комнате много места и упиралось в потолок. Его не задвигали в угол, чтобы детишки могли обходить ёлку кругом.

Верхушку подрезали и надевали ярко-рубиновую стеклянную звезду.

Из «тёмной комнаты» доставались две большие картонные коробки. Из них извлекались проложенные серо-жёлтой ватой стеклянные заснеженные шишки, усыпанные блёстками сверкающие шары, витые блестящие сосульки и яркие фонарики, фигурки сказочных персонажей и зверей, Деда Морозы и Снегурочки всевозможных конфигураций.

Внучка удивлялась – почему у некоторых игрушек не пе-

тельки сверху, а железные прищепки снизу. Баба объясняла: – Этими игрушками украшали ёлку уже тогда, когда ещё твоя мама была такая, как ты, – и внучка старалась держать их бережнее.

Баба с удовольствием возилась с длинной гирляндой из цветных лампочек, спрятанных в пластмассовые лилии. Осторожно просовывала провод сквозь ветки, прилаживала наилучшим образом. Набрасывала переливающийся дождик, раскладывала блестящие снежинки и звёздочки. Цепляла конфеты и шоколадные медальки в золотой фольге. Растягивала в гирлянды и развешивала под потолком сложенные гармошкой бумажные фонарики и разноцветные флажки, тоже из бумаги, с весёлыми героями из мультиков.

Внучка вертелась тут же, возле оттаявшей и пахнувшей зимним лесом ёлки, в радостном возбуждении и ожидании волшебства. В холодильнике ждали мандарины, многочисленные заготовки, вкуснейший шоколад в разных видах, присланный из Москвы с поездом или переданный с кем-то из родственников.

Под нижние еловые лапы прятались хлопушки и гостинцы для знакомой детворы, которую баба приглашала в гости к внучке водить хороводы и праздновать Новый год.

Поначалу внучка протестовала, пытаясь всё захватить себе.

Пускай только ей достаются все подарки от её бабы!

Но баба объяснила, что ей и так достаётся всё самое лучшее. А если она будет жадничать, с ней никто не захочет дружить, и придётся играть одной.

И она сдалась. Согласилась – и сразу успокоилась.

Однажды заглянула соседка с другого этажа, в длинном цветастом халате и с шиньоном. Увидела ёлку, ещё не оттаявшую, только привезённую родственником из лесхоза. И заявила, что она ёлку лучше украшает – по всеобщему мнению. Красивее.

– Так мы можем проверить, – засмеялась баба. – Новый год послезавтра. Давай завтра вечером и посмотрим.

– Так я завтра зайду! – сказала соседка. – Кто проиграет, с того бутылка.

Назавтра соседка пришла, едва окинула оценивающим взглядом украшенную ёлку. И сразу пошла к выходу.

– Ты куда? – удивилась баба.

– За бутылкой.

– Так давай сначала твою посмотрим!

– Сейчас уже не обязательно, – проворчала соседка, – а так заходи, когда хочешь.

Спереди ёлки, меж пушистых веток, ставился самый боль-

шой метровой Дед Мороз из папье-маше. Солидный, в красном тулупе, розовощёкий, улыбающийся, с бородой и слегка облупившимся носом картошкой. Рядом – пожелтевшая от времени Снегурочка с толстой косой.

Они тоже из маминого детства, – размышляла внучка. И пыталась представить, как люди жили *тогда*.

На уикенд в тайгу

Однажды баба с внучкой поехали на родину деда.

В гости к его родственникам. Они уже давно звали-приглашали.

Отправились вдвоём, старая да малая, дед почему-то не ездил.

Долетели на самолёте до Перми, потом на поезде доехали до нужной станции.

Оттуда на рейсовом автобусе поехали в малюсенький городок, даже ещё меньше их маленького заводского Чапаевска: Кудымкар.

Это столица Коми-Пермяцкого округа, объяснила баба.

Внучке в этом названии чудилась и какая-то далёкая дымка, и Кудыкина гора, куда Макар телят не гонял.

Что-то неизведанное, куда люди обычно не забираются.

И она стала ждать чудес.

Из Кудымкара на другом автобусе, который ходит два раза в неделю, они добрались до одной деревни.

Потом на перекладных до другой деревни.

И дорога закончилась: дальше никакой транспорт не хо-

дил.

Они переночевали в чьей-то избе, родственники заранее договорились.

А на завтра за ними зашёл бородатый человек: им предстояло лететь на вертолёт с геологической партией.

Сперва трёхлетняя внучка немного робела в компании незнакомых крепких бородачей. Но потом, когда они угостили её шоколадкой, решила, что бояться их нечего. Дяденьки как дяденьки, подумаешь.

У её папы тоже борода есть, только поменьше.

Она впервые летела на вертолёт.

На самолёте уже сколько угодно, но ведь там же ничего не рассмотреть. Одни облака, разве только при снижении – лоскутное одеяло полей да кубики домов.

А тут – тайга, зеленым-зелено, и земли меж деревьев не видно, так их много. Только верхушки мелькают.

Насмотревшись в иллюминатор, она покосилась на большие серебристые ящики геологов. И решила задать вопрос. Просто напомнить, может, они забыли:

– А когда же будет эскимо?

Геологи захохотали, баба смущённо засмеялась и сказала,

что это волшебник прилетает на вертолёт и сразу угощает целой коробкой эскимо.

А вообще-то мороженое будет, когда вернутся домой.

И объяснила, что и так спасибо, что взяли их с собой, ведь они же им посторонние. Геологи на работу летят, они всякие полезные ископаемые в земле ищут, например, золото.

– Ух, ты, вы клад ищете? – поняла внучка.

– Да, и клад тоже, – засмеялись геологи.

Они летели уже довольно долго.

Неожиданно вокруг потемнело, вертолёт тряхнуло, внучка завертела головой.

– В грозу входим, – высунулся из кабины пилот.

Их опять тряхнуло.

В иллюминаторы стало совсем ничего не видеть.

Вокруг зашуршало, зашумело. Вертолёт начало кидать из стороны в сторону, он затрясся и задрезжал ещё сильнее.

Сверху закапала вода.

Вскоре вода потекла внутри ручейками по обшивке, на полу образовались лужи.

Геологи перенесли оборудование – серебристые ящики, алюминиевые и металлические – поближе к хвосту: в самое сухое место во всём салоне, где только немножко капало

с потолка; накрыли брезентовыми плащами.

И посадили на ящики бабушку с внучкой – их тоже накрыли сверху плащом.

А сами для равновесия уселись в противоположной стороне.

Теперь плащей на всех не хватало, и они так и сидели.

Кто-то спокойно играл в карты, иногда стряхивая с них капли, светя себе фонариком, как ни в чем не бывало.

Вертолёт швыряло в кромешной мгле.

Он трясся так, будто прямо сейчас собрался развалиться.

Справа и слева сверкали вспышки.

Совсем рядом что-то оглушительно грохотнуло, и снова грохотнуло.

Раза два, когда вертолёт словно ухал в бездну, внучка уже думала, что они падают. Но они всё летели и летели вперёд.

– Половина пути уже есть! – решил их подбодрить кто-то из геологов.

Только половина!

Внучка уже очень хотела приземлиться, хоть куда-нибудь, только чтобы не было так страшно.

Так страшно, что она сейчас даже не надоедала бабе капризами, сидела молча. Только иногда сбоку взглядывала на неё. И, поймав её ласковую улыбку, чуть более напряжённую, чем обычно, опять вцеплялась в бабу.

Она уже давно в неё вцепилась, но временами забывалась и ослабляла хватку.

Когда они сели, уже опустился вечер.

За бабой с внучкой кто-то приезжал.

Но не дождался, решив, что из-за сильной грозы вертолёт не вылетел.

И геологи разместили их ещё и на ночлег.

Внучка сразу провалилась в сон.

Когда проснулась, стояло свежее умытое солнечное утро.

Оказалось, что их с раннего утра кто-то дожидается.

От обилия новых впечатлений внучка слегка ошалела.

Всю дорогу она пыталась запомнить мудрёное название «коми-пермяки». И что её дед тоже коми-пермяк. Она спрашивала у бабы, какие они.

Баба улыбалась и отвечала:

– Такие же, как мы с тобой.

– Ну, да, наверное, и вправду такие же, – рассуждала внучка, – ведь её деда же такой, как и она, и как баба, и как все люди вокруг.

Но, с другой стороны, если люди живут так далеко, в тайге, а в самом этом слове есть какая-то тайна – то, значит, и люди эти не совсем обычные?

Во всяком случае, после вчерашнего перелёта она б уже не слишком удивилась, если бы их встречал сам Змей Горыныч.

И когда увидела встречающего, разочаровалась его обыкновенностью.

Возле заляпанного свежей грязью «УАЗика» стоял мужчина среднего возраста, среднего телосложения, в резиновых сапогах по колено, заправленных в сапоги брюках, клетчатой рубашке и серой куртке, и кепке на пепельных волосах.

Увидев бабу с внучкой, он со спокойной улыбкой пошёл навстречу.

Перенёс в машину их вещи – сумки и чемоданы с кучей подарков. Они уселись – баба на переднем сиденье, внучка сзади, вместе с вещами – и поехали.

По дороге родственник – внучкин дядя по дедовской линии – с такой же спокойной улыбкой расспрашивал бабу.

А внучка от любопытства приклеилась бы к окну, если бы их не встряхивало. И она не боялась стукнуться лбом о стекло.

Они ехали по просеке, а вокруг была тайга.

Самая настоящая тайга.

На много-много километров – никакого человеческого жилья.

Не считая, конечно, редко разбросанных – где-то очень далеко – хуторов да стоянок геологов.

Огромные ели, лиственницы. А потом вдруг лес светлел – и за окном проезжали назад то сосны, то ещё какие-то деревья.

Внучка вертела головой, изредка задавая вопросы.

Оказывается, те громадные деревья, мимо которых они едут, это кедры.

– Ой, заяц! – закричала она, прикинув к окошку.

Баба повернулась в ту сторону: заяц скакал параллельно просеке, поскакал немножко – и свернул куда-то.

– Здесь их знаешь сколько! – засмеявшись и даже не взглянув туда, ответил дядя.

Тут же, откуда ни возьмись, выпрыгнул другой заяц и тоже поскакал вдоль просеки.

Ещё один заяц перебежал дорогу перед машиной и отправился по своим делам.

Внучка стала глядеть во все глаза: вдруг ещё кого-нибудь увидит! Медведя...

Меж деревьев показался олень. Посмотрел на них внимательно и убежал прочь.

– Олень волшебный? – внучка, скорее, уточнила, чем спросила – уверенная, что всё здесь волшебное.

Взрослые рассмеялись и ничего не ответили.

Вскоре им повстречалась лиса. Проводила их внимательным взглядом, а уж потом скрылась – вроде неторопливо, но как-то разом исчезла. Не оправдав внучкиных ожиданий. Она же совсем не такая, как на картинке! Нарисованные лисы яркие, рыжие и упитанные, а этот зверёк худенький и к тому же тёмно-серый.

– Чернобурка, – пояснил дядя.

Внучка не поняла, что это значит, но переспросить не решилась.

Они ехали час или два.

Наконец, выехали на широкую поляну, где стояла деревня.

Их поселили в чисто вымытой избе с домоткаными половиками, вышитыми скатёрками и полотенцами в бело-красных узорах.

Бабу пригласили ночевать в горнице с хозяйкой, а внучку – в комнате с огромной белёной печью, почти во всю комнату: прямо на печке.

Двое детишек – светленький мальчуган поменьше и девочка постарше года на три – не хотели пускать постороннюю в свой мирок. Она тут же слезла, уверенная, что теперь сможет ночевать вместе с бабой. Но взрослые приструнили маленьких хозяев печки, они повиновались, и внучка опять нехотя залезла к ним.

На печи, на самом верху, под потолком, оказалось много места.

Трое маленьких детей спокойно уместались, и в ширину и сидя, и даже могли брыкаться. А у стены грела кости седенькая прабабка.

Взобравшись на тёплую печку по широким приступкам, внучка сразу погружалась в мягкую перину, укрывалась стёгаными одеялами из ярких лоскутов.

И сладкая дрёма сама обволакивала и убаюкивала.

Перед сном их напоили особым душистым чаем из ягод и листьев. И пахучий тягучий мёд, со своей пасеки возле деревни, можно черпать деревянной ложкой прямо из горшочка. Бабу угостили и рюмочкой самодельного ароматного чего покрепче – за приезд.

Сладко проспав всю ночь на постели с подогревом, внучка

проснулась поутру с какими-то новыми жизненными ощущениями.

Вечером, освоившись за день и нагулявшись вокруг домов, она из любопытства напросилась со встречавшим их дядей по воду.

Стемнело. На мягкую траву-мураву опустилась вечерняя таёжная прохлада. Рядом свернулись калачами несколько серых собак с умными мордами и закрученными пушистыми хвостами.

– Это лайки, зимой они белеют, – объяснил дядя.

Пока он набирал воду из колодца, гремя цепью о ведра, внучка стояла рядом и наблюдала. Вдруг что-то тёплое щекотно ткнулось сзади в ногу.

Она обернулась и ойкнула: незнакомый зверь обнюхивал подол её платяца. Вокруг бродили ещё такие же и побольше.

– Не бойся, это ягнёнок, дай ему палец, – сказал дядя и поднёс свой палец к его носу, тот понюхал.

Она с опаской протянула ягнёнку свой палец, тот начал его сосать.

– Кусается! – воскликнула она.

Дядя засмеялся:

– Да он совсем ещё маленький, вот такой как ты, он не умеет кусаться.

Но она отодвинулась, на всякий случай. А когда дядя набрал полные ведра, посмотрела в колодец: где-то внизу плещется холодная прозрачная вода, а сам колодец бездонный. А потом задрала голову в небо и обомлела: больше нигде она не видела таких огромных и ярких звёзд!

И ей почудилось, что такую волшебную картинку – она запомнит на всю жизнь.

Она стоит у колодца, на зелёной-зелёной поляне. Бродят ягнята, отдыхают лайки. Поодаль – несколько деревянных избушек с ярко-жёлтыми окошками. Белёсый дымок улетает в высокое-высокое синее небо – где переливаются огромные золотые звёзды.

А вокруг сплошной высоченной стеной поднимается тайга.

А весь остальной мир... Он – где-то там, совсем далеко.

Да и кто его знает, где он, этот остальной мир.

Да и есть ли он вообще...

Далеко в тайгу её с собой не брали. По грибы-ягоды взрослые ходили сами, а её оставляли на попечение детям. Старшая девочка зорко следила за ней и не отходила ни на шаг, рассудительно объяснив, что в тайге маленьким детям делать нечего.

Когда взрослые возвращались, дети забирались на тёплую печку – на своё место – и лакомились прохладной влажной морошкой, обильно посыпая желтоватым сахарным песком. Внучке до того понравились яркие жёлтые и оранжевые ягоды, с виду похожие на малину, что она уписывала по трёхлитровой банке в день.

– Да пусть ест, – смеясь, говорили родственники бабе, призывавшей внучку быть скромнее. – Ей в диковинку! И полезно. А в тайге – немерено...

Накануне отъезда, в последний вечер, все родственники собрались за столом. Конечно, только взрослые: попить и пообщаться перед отъездом. Когда ещё увидятся! Да и увидятся ли когда-нибудь... В такую-то даль часто в гости не ездят.

И у внучки этот вечер тоже решал всё.

Они уезжают, а она так и не была в тайге и не видала чудес. А если и есть на земле место, где медведи в лесу сами строят избушки, едят пирожки, сидя на пеньках, и разговаривают по-человечьи – так это оно.

Она потихоньку слезла с печки. Но вылазка в ночную тайгу не удалась. Взрослые поймали её перед выходом, посадили на печку и плотно закрыли дверь. И снова сели пировать.

Детям тоже не спалось. Забравшись под все одеяла, они рассказывали напоследок друг дружке разные истории, под-

слушивали взрослых и хихикали.

Ночью им снились разные миры. Таёжные дети гуляли по удивительным городам, в которых никогда не бывали. А внуку медведи угощали чаем с мёдом.

А потом волшебный олень умчал её в собственную сказку.

Ночная группа

Дед нередко выручал бабу по утрам. Когда лето заканчивалось, и внучку нужно вести в детский сад. А баба часто работала в ночную смену.

Да и по ночам нужно с кем-то оставлять ребёнка. Старшая бабина сестра с мужем, жившие в этом же рабочем городке, порой брали к себе, большая квартира с красивым паркетом, но там свои заботы. Два взрослых сына: старший недавно женился, уже развод, страшно переживает; у младшего невеста.

Баба перебрала немало кандидатур и нашла няню, с хорошей рекомендацией от знакомых – пожилую полную Пелагею Павловну, она жила через квартал. Но внучке совсем не понравилось ночевать у чужой тёти и без бабы, и она устроила сцену.

Тогда баба договорилась, что няня станет ночевать у них. Но эту затею внучка тоже отвергла, упёрлась, и бабе так и не удалось её уговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.